

Л. Я. Рахманова

ИНТИМНЫЕ ПРОСТРАНСТВА ДЛЯ ТЕЛА И ДУШИ В ДЕРЕВНЕ: НЕЛОВКОСТЬ, СМУЩЕНИЕ И СТЫД КАК ЧАСТЬ ВКЛЮЧЕННОГО НАБЛЮДЕНИЯ*

АННОТАЦИЯ. Рассматриваются физические и символические пространства, которые являются полями взаимодействия и общения местных жителей и исследователя, включенного в их повседневность. Они имеют различную природу, физические границы или же ситуативное измерение, к ним обращаются с различной периодичностью, но их объединяет одно: чувство смущения и неловкости от разделенного пространства. Анализируя различные режимы интимного, по-разному проявляющегося в деревенском доме, храме, магазине на улице, в тайге, можно выявить не только стабильные с точки зрения местоположения и времени функционирования зоны интимного. Автор выделяет также интимные пространства, «мерцающие» во времени, меняющие свое положение в пространстве, конвенциональные пространства, определяемые на основе договоренности, интенционально очерчиваемые интимные пространства, а также интимные пространства, интегрированные в публичную среду, проявляющиеся ситуативно. Статью частью этих интимных пространств можно вольно и невольно, можно «войти» в них через участие в повседневности, в празднике или промысле, через личную беседу, интервью, общение с детьми, посещение бара или службы в храме. Но как выйти из него, ничего не разрушив и не повредив, учитывая уязвимость и открытость информантов в этих пространствах?

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: антропология пространства, включенное наблюдение, неловкость, стыд, символические границы, уязвимость, открытость, интимные пространства

УДК 39

DOI 10.31250/2618-8619-2018-2-12-19

РАХМАНОВА ЛИДИЯ ЯКОВЛЕВНА — к.с.н., социолог сектора социологических исследований, Государственный Эрмитаж (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: muza-spb@yandex.ru

* Статья написана при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-33-01057-ОГН\18 «Социальные основания неформальной экономики: природопользование на Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке» (рук. Т. Н. Журавская).

Погружение исследователя в длительное поле неизменно сопровождается поиском ключей для вхождения в изучаемое сообщество, надежных проводников. Однако иногда невольно в желании проникнуть глубже и научиться различать нюансы интерпретаций и смыслов, заложенных в деревенской повседневности, исследователь может пересечь ту невидимую границу, за которой начинается сфера интимного (Hume, Mulcock 2004: xi). В статье представлен анализ различных ситуаций, сценариев, пространственных схем, взаимоотношений по поводу пространств, функционирующих в режиме интимности и приватности, на основе полевых наблюдений, проводившихся в 2017–2018 гг. в семи поселках и деревнях, расположенных на двух берегах в среднем течении реки Оби.

По моим наблюдениям, особенность символического пространства постсоветской деревни, развертывающегося в населенных пунктах различного типа и с различной историей развития, заключается в том, что часть зон, сфер жизни и совместной деятельности односельчан, которые ранее были строго регламентированы, оказались в 1990–2010-е гг. недостаточно упорядоченными и нормированными с точки зрения этики, правоприменения, поведенческих схем и допустимых практик.

Новые нормы «использования пространства» и осуществления действий различного типа формируются ситуативно и носят временный характер (Хейдметс 1988). Это непостоянство связано, в частности, с непредсказуемым характером изменений пространственной структуры поселка, раскрывающейся при микроэкологическом подходе (Ball 1973), разрушением старых домов, постройкой новых зданий и изб, объединением и фрагментацией домохозяйств, укреплением или разрушением поселковых дорог, мостов и переправ. Вышеперечисленные изменения направляют действие различных социальных сил, создающих образ места и определяющих его символический статус.

Статус места определяет уместность или неуместность нахождения в нем определенных социальных групп и осуществления тех или иных значимых практик. Например, бывший Дом быта может превратиться в укрытие для коров и лошадей, в стенах которого они переживают полуденный зной. Берег, где проходили сходы, демонстрации, встречи, становится местом для пикников и приготовления шашлыков, а близость детской площадки к мемориалу погибшим во Второй мировой войне снижает значимость места как пространства памяти и скорби, наполняя его новыми, иногда неуместными, действиями и значениями.

Тем не менее сквозь новые слои значений постоянно проступают старые смыслы, в которых может не ориентироваться только что приехавший в поле исследователь: «Участвующие наблюдатели сознательно помещают себя в ряд очень неудобных и неловких социальных пространств; в некоторых из них труднее находиться, чем в других» (Hume, Mulcock 2004: xi). Таким образом, принимая одно пространство за другое или пересекая границу допустимого, исследователь провоцирует местных жителей, которые наблюдают за его «ошибками», на раскрытие второго, глубинного слоя информации о правилах игры в конкретной зоне поселкового пространства.

Это постоянное «попадание впросак» для антрополога может являться и ключом к полю, и источником всех его неудач и недоверия при общении с информантами и членами местного сообщества. Безусловно, в этом «этнографическом дискомфорте и неловкости» есть огромный потенциал для полевого исследования, которое предполагает использование самого антрополога в качестве чуткого исследовательского инструмента (Hume, Mulcock 2004: xii, x). В момент пересечения невидимых границ приватного пространства информанта у антрополога всегда есть еще один ресурс: его собственная уязвимость как аргумент в том поле, где хаотично и непредсказуемо сочетаются открытые и закрытые регламентированные зоны. В конце концов, проникновение в интимное пространство Другого всегда чревато ответным нарушением границ приватного пространства

антрополога, которое, даже будучи сужено до границ его собственного тела, может стать объектом притязаний и посягательств физического и словесного характера (Kelly 2004).

В сложном поле, труднодоступном с точки зрения установления доверительных отношений с местным сообществом, неизбежно будет преобладать стратегия наблюдения, нарушающего границы, которое, через участие в повседневности местного сообщества, повышает степень включенности исследователя в изучаемую среду несколько рискованным способом. Проникновение с целью познания может вызывать совершенно разные реакции — от замыкания и прерывания общения до подшучивания и помощи попавшему вприсас «новичку».

Мне хотелось бы рассмотреть пять случаев бытования и трансформации пространств, которые по одному или нескольким признакам могут быть квалифицированы в качестве интимных/приватных. Типология интимных пространств и зон приватности основана на нескольких критериях: постоянство границ и координат местоположения пространства, постоянство во времени статуса пространства как интимного, зависимость интимного пространства от конвенциональных схем и интерпретаций находящихся в нем людей.

Первая пространственная схема, с которой исследователю неизбежно приходится иметь дело в поле, — это дом хозяина или хозяйки, в котором он останавливается на длительный срок в статусе гостя, друга семьи или же арендатора. В моем случае дом является многосоставным строением с несколькими выходами, использование которых регламентировано. Жилая половина находится в деревянном доме барачного типа, разделенного пополам. Забор в одном месте упирается в середину дома, принадлежащего трем семьям, и часть границы участка проходит по межкомнатной стене строения. В жилой половине есть только одна дверь, которая ведет в холодное помещение холла и призвана сохранить тепло в зимний период и защитит от комаров летом. Все остальные дверные проемы украшены занавесями в виде гирлянд. Это удивительное пространство вынуждает тебя быть постоянно мобилизованным и готовым к тому, что тебя увидят, застанут в момент переодевания, за твоими движениями смогут проследить и даже услышать твое дыхание во сне.

С первого дня жизни в этом доме может возникнуть ощущение, что ты, как наблюдатель, в свою очередь тоже вторгаешься в интимное пространство семьи. На втором этапе возникает вопрос: а предполагает ли подобный деревенский дом существование стабильных интимных пространств, укрытия, «которое пространственно и темпорально ограждает индивида и семью от внешнего мира» (Здравомыслова 2009: 9), и каково в таком случае представление жителей о приватном и интимном?

На третьей стадии погружения в поле обнаруживается, что интимные и скрытые пространства в деревне находятся не там, где их ожидает увидеть городской житель. Например, спальня как классический пример стабильной в пространстве интимной зоны полностью открыта для обозрения. Пожалуй, самые плотные двери охраняют выход из бани и призваны не только сохранять тепло, а разделять, разграничивать разные формы жизни, ритмы и элементы повседневности. И в этом контексте необходимо обратить внимание на разный статус «частей жилища по отношению к пространству личности» (Морозов, Слепцова 2013: 169). Однако кажущаяся открытость предполагает еще большую регламентацию, чем дом с закрытыми наглухо межкомнатными дверями.

Через этот «официальный» вход в дом любой случайный посетитель попадает в холл, своего рода «мужской клуб». Через эту зону постоянно проходят члены семьи, гости, друзья и оно фактически является транзитным. Однако пространство вокруг стола с пепельницей, старым кухонным уголком и парой стульев может быть «интимной зоной» в эпицентре событий. Ощущение безопасности и защищенности в данном случае связано не с отгороженностью стеной/ширмой/дверью и не со звуковой изоляцией или «акустической непроницаемостью», создающей «мягкие границы»

(Голубева 2018: 21), а с отслеживанием скорости и траекторий движения других посетителей, не имеющих отношения к «клубу», ведь главное, чтобы проходящие мимо не задерживались, пытаюсь урывками подслушать суть разговора.

Описанный выше «мужской клуб», в котором обсуждаются профессиональные темы, связанные с промыслом, — пример конвенционального интимного пространства, существование которого возможно только в том случае, если внешние наблюдатели признают его автономный статус и, несмотря на свободный физический доступ к этой зоне, не имеют отношения к смыслам, циркулирующим в нем. Это пространство проявляется в определенные моменты времени, но обладает постоянным местоположением.

Налево от холла, в котором мужчины собираются, чтобы обсудить успехи рыбалки, практики охоты, строительство, ремонт автомобилей, семейную жизнь и планы на будущее, находилась так называемая «изба» — ранее обособленное здание с печью, а теперь круглогодичная кухня-столовая, интегрированная в пространство дома. Это пространство является максимально публичным, открытым, право находиться там за столом и разговаривать имеют не только мужчины, но и женщины, у которых, по сути, нет отдельного пространства для откровенных бесед и сплетен. Однако «общее пространство» становится «женским» только в тот момент, когда мужчины уходят на ночную рыбалку. В этом случае подруги собираются вместе, не боясь быть услышанными мужчинами.

Таким образом, право на частное интимное пространство имеет отчетливое темпоральное измерение, смещаясь то в сторону публичности и открытости, то в сторону таинственности и приватности. В отличие от предыдущего примера конвенционального интимного пространства, интимная зона женщин имеет более четкие привязки к границам и не столько формируется по желанию участников общения, сколько подстраивается под действия мужчин, которые должны отсутствовать достаточно длительный период времени. Женское право на приватность не является приоритетным и не имеет в доме такого же символического веса, как пространство «мужского клуба», и поэтому сильнее связано с физическим измерением, а время его проявления строго регламентировано. Подобные пространства, возникающие в четко определенные моменты в закрытом за двумя дверями укромном месте, можно обозначить как «мерцающее интимное пространство», то проявляющееся, то стирающее свои следы.

Двор в зажиточной сибирской семье перекрыт единой крышей и представляет собой часть домового пространства. В центре двора на отдельном фундаменте стоит баня, в дальнем углу, по диагонали от выхода из жилых помещений — туалет, с правой стороны — проход в сушильню и выход в огород (половина хозяйки), с левой — проход в гараж, выход к вольерам с собаками, холодильники с рыбой и стена, увешанная сетями, — мужская, промысловая половина. Открытое хранение снастей тем не менее предполагает их неприкосновенность. Это означает, что маршрут движения по двору для всех, кроме хозяина, должен осуществляться по правой половине — транзитной и публичной зоне.

Здесь работают принципы «вижу, но не приближаюсь», «вижу и знаю, но не прикасаюсь». След или свидетельство присутствия в пространстве дома дополнительного измерения, связанного с рыбным промыслом, отсылает к правилам, практикам и действительности другого, параллельно существующего жизненного мира, знаки и символы которого все могут видеть, но не каждый может верно истолковать. Это, на мой взгляд, еще один пример конвенционального пространства, не основанного на принципе защиты и утаивания ключевых знаний, передаваемых в «мужском клубе» от одного мужчины другому, а регламентированного с точки зрения режимов тактильности: фактически это пространство без людей, где скрываются не слова, не тело человека, а предметы и

инструменты, которые могут быть в определенный момент востребованы. Интимность пространства определяется уникальной схемой расположения и технологиями хранения значимых объектов, присущими только владельцу.

Завершая анализ пространства дома с точки зрения открытости/закрытости, публичности/приватности, разделенности на зоны и целостности, стоит уделить отдельное внимание дверям и входам/выходам. Весь домовый комплекс имеет четыре входа: основной вход для гостей и «чужих» — через палисадник и калитку; вход с огорода, на котором работают женщины и дети, через сушильную; вход со стороны коптильни для рыбы и вольера для собак (используется как хозяином, так и хозяйкой для кормления собак и переноски сырой и копченой рыбы в помещение); последний, наиболее регламентированный — вход в дом через гараж. Жена и родственники могут пользоваться им, только если сидят в машине, которая въезжает на территорию гаража через ворота. В остальных случаях заходить в это мужское пространство нежелательно и разрешается только в экстренных случаях.

Можно определить эту сложную ситуацию как оценку степени интимности с точки зрения интенциональности субъекта: допустимость пересечения границ пространства, обозначенного как интимное, зависит от того, с какой целью, в какой момент и через какую дверь вошел наблюдатель. И если ситуационно и с точки зрения маршрута перемещения его действия оправданны, он может присутствовать в данном пространстве. Иными словами, если граница нарушается, то имеет огромное значение, как именно она нарушается.

Значимым пространством, практики и поведение внутри которого могут быть по-разному восприняты и интерпретированы местными жителями, является магазин или любая торговая точка на территории поселка. Посещение магазина, транспорт, который используется, чтобы подъехать к нему, спутники, которые сопровождают тебя за покупками, имеют символическое и статусное значение. Учитывая эти факторы, внимательные односельчане могут делать выводы о содержании и условиях личной, приватной жизни. Особый интерес представляют магазины, состоящие из нескольких отделов: продуктового, отдела ритуальных услуг, отдела мебели, одежды и хозяйственных товаров вместе с электроникой и косметикой.

За месяц наблюдений я дважды стала свидетелем одной и той же сцены. Женщина пришла в универсальный магазин, чтобы присмотреть или сразу купить что-то из ассортимента ритуальных аксессуаров и предметов. Однако, опасаясь, что ее интерес к вещам, связанным с памятью об усопших, будет замечен посетителями магазина, начала осмотр продукции с других отделов, не имея намерения что-либо в них приобрести. Я сидела в углу и не была похожа на местного жителя. Покупатели приходили и уходили, пока наконец не наступила пауза. Женщина прошла к венкам, стоявшим за диванами и креслами, и замерла: в этот момент она была наедине с этими предметами, в совершенно отдельном, интимном пространстве, пространстве «для души», на которое не распространялось действие социальных сил и эффектов, порождаемых осуждением, слухами, взглядами наблюдателей. Она купила венок, и продавец тактично обслужила ее.

В другом случае мужчина, намеревавшийся купить что-то в «похоронном» отделе, приблизился к товарам в тот момент, когда в магазин вошли его знакомые. Заметив направление его взгляда, они стали наперебой расспрашивать о том, кто из его родственников или друзей умер, когда это произошло, соболезновать. Произошло контекстуальное переключение, в процессе которого интимное подверглось исключению через отсылку к общепринятым паттернам одобряемого поведения (Mears 2013: 3).

Покупатель был «разоблачен» соболезнующими товарищами, хотя, по сути, не совершал никаких безнравственных или несанкционированных обществом действий. Однако, как отмечает

Энтони Гидденс, «стыд подрывает самоуважение и, очевидно, тесно связан с более мягким опытом “смущения”. Стыд и смущение образуются на стыке запрещенного и дозволенного из-за “разоблачения” попытки что-либо сделать» (Гидденс 2001: 52). Таким образом, пространство, почти ставшее приватным, превратилось в публичное пространство магазина, где человек вынужден осторожно скрывать проявления и действия, связанные с несчастьем в семье.

Пример сбоя, когда сценарий начал развиваться не так, как это предполагал покупатель, связан с тем, что подобный тип интегрированного ситуативного интимного пространства представляется микрозоной, включенной в максимально публичное пространство, регламентированное совершенно иной логикой и иными правилами поведения. Фактически эта ситуация становится антиподом идеи З. Баумана о том, что «“частное” вторглось на территорию общественного, но отнюдь не для того, чтобы взаимодействовать с ним» (Бауман 2005: 257): в данном случае, напротив, публичное вторгается в хрупкую «островную» зону интимного, не умея с ним взаимодействовать, хотя бы потому, что не знает его правил и границ.

Именно из-за расположения малого в большом и из-за неизбежного подчинения правилам игры ничего не подозревавших внешних наблюдателей такого типа ситуативные пространства наиболее уязвимы. По сути, жизненное пространство антрополога в поле можно сравнить с «похоронным» уголком в магазине, в котором ты можешь рефлексировать и «уединиться» лишь на миг, до того как притязания публичности вновь не вынудят тебя действовать социальноориентированно, а не рефлексивно.

Хотелось бы привести пример пространства, изначально создаваемого как интимное, в котором интимность напрямую связан с сакральным статусом места, однако постоянно подвергается сомнению. На территории одного из поселков на средней Оби, где я проводила наблюдение, храма исторически не существовало. Около восьми лет односельчане собирали средства на его постройку. Место было выбрано на пригорке, недалеко от берега реки, в пространстве, свободном от застройки.

Многие взрослые хотели из любопытства или внутренней потребности посещать храм, но не знали, как их поведение будет воспринято другими жителями. Самым трудным было подняться на пригорок под взглядом наблюдателей. Опасения за свою репутацию, неловкость и даже в некоторых случаях стыд, когда тебя замечают идущим из храма, привели к тому, что среди прихожан остались либо взрослые с устойчивой идентичностью верующих, либо дети, которые самостоятельно посещали храм без ведома родителей. В данном случае важно провести разделение понятий стыда и неловкости (Scheff 2003: 245; Tangney et al. 1996: 1258), предполагающее, что стыд имеет длительное, многолетнее влияние на решения и практики субъекта, в то время как неловкость в повседневных практиках обычно ситуативна.

Смущение также породила критика поведения священника, который со всей семьей переселился в деревню. Осуждение касалось прежде всего его «безнравственного» поведения: вечером в воскресенье батюшка посещал местный бар и пил за стойкой вместе с мужчинами пиво. Появление священника в любом пространстве за пределами церкви и церковного холма, связанное с повседневными практиками и досугом, повлекло волну возмущений, подобно недоверию, которое вызывает частая смена одним человеком социальных ролей. Через несколько месяцев храм был разорен, арочные окна разбиты, кружка с пожертвованиями опустошена. В этом случае часть населения поселка превратилась в единую социальную силу, которая напоминает ребенка, получившего в подарок замысловатую игрушку: не сумев разгадать ее значение и механику работы, он ее ломает.

Дискредитированная интимность, связанная с сакральностью места, возникла из-за непослдовательных действий агента — хранителя правил и границ этого пространства. Баланс был нарушен

в тот момент, когда священник как рядовой житель поселка решил посетить бар, исполняя на этот раз совершенно не свойственную ему и непривычную для окружающих социальную роль, что вызвало волну возмущений (Goffman 1963). Однако статус пространства как сакрального и интимного может быть восстановлен. В данном случае мы имеем дело с чувством взаимного стыда — не за себя, а за другого: часть прихожан утверждала, что им стыдно за батюшку и его «нецерковное поведение», а священник отреагировал на разорение храма как на постыдное деяние, за которое он, как пастырь, несет ответственность, и стыдился за односельчан, признавая при этом и свою вину: «Стыдиться чьего-то поведения — значит ощущать некую взаимосвязь с ним или даже ответственность за него. Смушение за кого-то есть противоположность безразличию, то есть определенное соучастие и расположение к тому, кто оказался излишне “раскрытым” перед другими» (Гидденс 2001: 52).

Некоторых жителей поселка неспособность видеть в новом храме интимное пространство «для души» привела к другой идее. Не решаясь регулярно посещать храм под взглядами товарищей, один из охотников решил прийти на частную беседу к священнику, чтобы разрешить волновавший его вопрос: допустимо ли потомственному охотнику убивать животных для пропитания? Эта встреча нужна была еще и для того, чтобы договориться и узнать о деталях строительства и освящения лесной часовни на охотничьем участке, который, исходя из негласных соглашений, был участком охотника. Мигрирующее интимное пространство — часовня как малая проекция храма в лесу — соединяло в себе функции сакрального и интимного пространства, возможность помолиться перед охотой за удачу и после охоты, прося прощения за убийство. Метод перенесения или транспонирования внутреннего пространства церкви/часовни с территории поселка на территорию таежной заимки — очень интересный пример интимизации сакрального пространства и наделяния его новыми смыслами и функциями.

В ходе анализа полевых наблюдений и внутриселковых взаимодействий можно выделить не только классическое стабильное интимное пространство, обладающее четкими физическими границами, стенами, дверьми, запорами, замками (как, например, баня), но и более сложные конфигурации, имеющие свойства интимности и свои особенности, — это пространства, «мерцающие» во времени (то наделяющиеся интимными смыслами, то нет), мигрирующие пространства, конвенциональные пространства, не имеющие физических границ и существующие на основе договоренности по поводу статуса приватности, интенционально определяемые интимные пространства, а также интимные пространства, интегрированные в публичную среду и «включающиеся» в случае конфигурации пространства и ситуации его востребованности. Важно отметить, что несанкционированное проникновение внутрь подобных зон или слом режима интимности под влиянием правил публичного пространства сопровождается неловкостью, иногда даже стыдом. Но при этом стыдливость и смушение, в свою очередь, могут спровоцировать создание новых интимных пространств, зон уединения, делающих возможным существование тайного, скрытого и сокровенного в публичном.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Бауман* З. Индивидуализированное общество. М., 2005.
- Гидденс* Э. Сознание, Я и социальное взаимодействие // *Философия и общество*. 2001. № 2 (23). С. 35–58.
- Голубева Л. В.* Одевание пространства: мягкие границы — строгие правила // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2018. № 4 (173). С. 19–24.

Здравомыслова Е., Роткирх А., Темкина А. Создание приватности как сферы заботы, любви и наемного труда // Новый быт в современной России. Гендерные исследования повседневности. СПб., 2009. С. 7–30.

Морозов И. А., Слепцова И. С. Конструирование персонального пространства в контексте социальной реальности (на примере интерьера) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16. № 4 (69). С. 167–183.

Хейдметс М. Феномен персонализации среды: теоретический анализ // Средовые условия групповой деятельности. Таллин, 1988. С. 7–57.

Ball D. W. Microecology: Social Situations and Intimate Space. London, 1973.

Goffman E. Behavior in Public Places. New York, 1963.

Hume L., Mulcock J. Introduction: Awkward Spaces, Productive Places // Anthropologists in the Field: Cases in participant observation. New York, 2004. P. xi–xxvii.

Kelly P. Awkward Intimacies: prostitution, Politics, and fieldwork in Urban Mexico // Anthropologists in the Field: Cases in Participant Observation. New York, 2004.

Mears R. Intimacy and alienation: Memory, trauma and personal being. London; New York, 2013.

Scheff T. J. Shame in Self and Society // Symbolic Interaction. 2003. № 26 (2). P. 239–262.

Tangney J. P., Miller R. S., Flicker L., Barlow D. H. Are shame, guilt, and embarrassment distinct emotions? // Journal of Personality and Social Psychology. 1996. № 70 (6). P. 1256–1269.

INTIMATE SPACES FOR BODY AND SOUL IN THE VILLAGE: AWKWARDNESS, EMBARRASSMENT AND SHAME AS A PART OF THE PARTICIPANT OBSERVATION

A B S T R A C T. The article deals with various physical and symbolic spaces, which are the fields of interaction and communication of local residents and researchers participating in their daily life. These spaces are of different nature and they are addressed with different periodicity, they have physical boundaries or special situational dimensions, but all of them have one thing in common: a sense of embarrassment and awkwardness when a space becomes shared. The author analyzes different modes of the intimate manifested in different ways at the *izba*, the church, the shop, in the street and in taiga. Thus it is possible to identify not only stable intimate zones in terms of location and time of functioning, but also to single out intimate spaces, “flickering” in time, changing their position in space, conventional spaces, defined on the basis of agreement, intently delineated intimate spaces, as well as intimate spaces integrated into the public environment manifested in a situational manner. A researcher can become a part of these intimate spaces freely and involuntarily: one can “enter” them via involving in everyday life practices, through personal conversation, interviews, participation in festive activities or fishing; via communication with children; visiting a bar or attending a church service. But how to “get out” of these spaces without destroying or damaging anything, taking into account the vulnerability and openness of informants in these situations?

KEYWORDS: anthropology of space, participant observation, awkwardness, shame, symbolic boundaries, vulnerability, openness, intimate spaces

LIDIA IA. RAKHMANOVA — Candidate of Sociological Sciences, State Hermitage Museum (Russia, Saint Petersburg)

E-mail: muza-spb@yandex.ru